

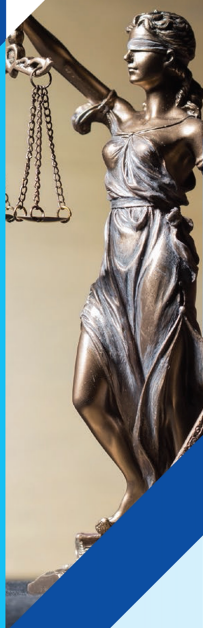

Санкт-Петербургский
государственный
университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**ВОПРОСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ЮРИДИЧЕСКИХ ДЕЛАХ
И ПРОЦЕДУРАХ**

18 мая 2021 года
г. Санкт-Петербург

УДК [811.161.1: 821.161.1:37.02](063)
ББК 81.2Рус
Р89

Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах.
Международная научно-практическая конференция. – СПб.:
Первый класс, 2021. – 544 с.

ISBN 978-5-604374733

© МАПРЯЛ, 2021
© Коллектив авторов, 2021
Издательство «Первый класс», 2021
Все права защищены

И.В. Жарков

*РОО «Гильдия лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам»*

Е.А. Колтунова,

*Институт филологии и журналистики
(филологический факультет)
ФГАОУ ВО «Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»*

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЗАВЕДОМОСТИ ЛОЖНОГО И (ИЛИ) НЕДОСТОВЕРНОГО ХАРАКТЕРА СВЕДЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ПРОДУКТАХ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются возможные методические приемы, помогающие выявлению заведомо ложной информации в процессе осуществления судебной лингвистической экспертизы. Высказывается суждение о релевантности типичных вопросов по уголовным и административным делам, связанным с проблемой заведомо ложных сообщений. Анализируются формы выражения информации, а также соотношение лингвистических и психологических компонентов оценки информации. Авторы считают необходимым учитывать, что понятие «заведомо ложные сведения» выходит за пределы только лингвистической компетенции, существенное значение имеют психологические знания, потому что они могут использоваться для установления направленности тех или иных сообщений, в том числе и на создание обозначенных законодательством угроз.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, интернет-коммуникация, языковые средства, форма высказывания, эксплицитная информация, имплицитная информация, заведомо ложная информация.

Одной из важнейших правовых тенденций последнего времени стали лингвистические заключения, связанные с выявлением «заведомо ложной информации». Если прежде в такой формулировке ставились вопросы в рамках статьи 128 УК РФ, то современное законодательство оперирует термином «заведомо ложная (заведомо недостоверная) информация (сообщение, сведения)» также в диспозиции ст. 207 УК РФ и ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ. Типичные вопросы, которые ставит следствие и суд, сформулированы, как правило, следующим образом:

1. Содержат ли высказывания <...> заведомо недостоверную общественно значимую информацию?

2. Создает ли данная информация угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу?

3. Создает ли данная информация угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи?

Следует отметить, что ответ на вопрос 1, поставленный таким образом, выходит за пределы компетенции экспертов и специалистов-лингвистов. В соответствии с положениями теории и практики лингвистической экспертизы, а также в соответствии с нормативно-правовыми актами, определяющими производство экспертных заключений и заключений специалистов, лингвисты не вправе верифицировать информацию, представленную в спорных текстах, т. е. квалифицировать ее на предмет соответствия или несоответствия действительности (на достоверность или недостоверность информации). Суждения эксперта, а равно специалиста процессуально допустимы лишь постольку, поскольку они лежат в сфере его специальной компетенции. Только суд может решать, что соответствует или не соответствует действительности, на основе доказательств, представляемых сторонами состязательного процесса. Кроме того, значение наречия *заведомо* словарями русского языка определяется следующим образом: «*нареч. (канц.)*. Сознательно, безусловно (при прил., обозначающих отрицательные свойства), несомненно, как известно (самому действующему лицу)» [см., например: Словарь, 2003, с. 194; Словарь, 1999, т. 1, с. 500]. Отсюда следует, что речь идет об умышленном предоставлении ложной информации, т.е. об умысле. Однако вопрос о наличии умысла и его видов касается исключительно юридической квалификации и является прерогативой только суда. Лингвист не вправе квалифицировать умысел и его виды ни в каких формах, потому что это выходит за пределы его компетенции: «*Устанавливать, было ли автору текста известно о ложности распространяемых им сведений, лингвистическая экспертиза также не может и не должна: ответ на этот вопрос фактически означает решение вопроса о наличии умысла на совершение преступления, а подобные вопросы относятся к компетенции следствия и суда*» [Бринев К.И., 2009, с. 108–109]. В одном из спорных случаев, анализируя

высказывание *‘Мэр Краснодара распорядился аннулировать старые пропуска для передвижения в условиях карантина и выдавать новые в режиме онлайн. С понедельника... старые пропуска прекращают свои действия...’*, эксперт резюмирует: *‘О том, что представленная информация о замене пропусков не соответствует действительности, является ложной, однозначно явствует из текста постановления Главы администрации (губернатора) Краснодарского края № 215 от 11.04.2020...’*, однако формулировка *‘информация о замене пропусков не соответствует действительности, является ложной’* является юридической квалификацией, а значит, выходит за пределы компетенции лингвиста. Заметим, что мы не оспариваем возможную ложность высказывания автора публикации, хотя ошибка в информации могла быть связана с невнимательностью субъекта высказывания, с неточным пониманием опубликованного администрацией текста, с недостаточной лингвистической компетентностью и др. Важно, что, согласно теоретическим и практическим требованиям, предъявляемым к судебно-экспертной деятельности, таких выводов в процессуальных формах эксперт делать не имеет права.

Учитывая позицию Верховного Суда РФ, в соответствии с которой *«заведомо ложной информацией, в том числе об обстоятельствах распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему»* [Обзор Верховного Суда № 2 от 30.04.2020] (заметим, что данная формулировка свидетельствует о том, что Верховный Суд расценивает определения «заведомо ложный» и «заведомо недостоверный» как синонимические), следует заключить, что компетенция лингвистов в этом вопросе ограничивается определением языковой формы *утверждения о фактах*, которое, в отличие от мнений, предположений и оценочных суждений, может быть впоследствии проверено судом на соответствие действительности. Таким образом, *заведомо ложной информацией*, или «фейком», следует считать сообщение (сведения, информацию), выраженное в форме утверждения. Информация, имеющая лингвистические

маркеры мнения или оценочного суждения, не может быть отнесена к заведомо ложной, «фейковой». *Утверждение о фактах* всегда основано на знаниях, которыми обладает говорящий, и подлежит верификации – проверке на соответствие действительности. Несоответствие действительности высказанного утверждения о фактах означает, что говорящий сознательно ввел адресата высказывания в заблуждение, зная о ложности сообщаемых им сведений либо выдавая собственные предположения или мнение за твердые знания. Информация, распространяемая автором в форме утверждений о фактах, подается в тексте как его знание и автоматически, другими словами, бессознательно воспринимается аудиторией как истинная. Важно отметить, что, кроме эксплицитно выраженного утверждения о фактах, информация может быть представлена в форме имплицитного утверждения (пресуппозиция, инференция). Если информация, выраженная в явной форме, оформляется отдельным предикатом, то скрытая форма выражения сведений такого оформления не имеет. Сведения в скрытой форме выражаются в различных формах, таких как именные словосочетания, адъективные словосочетания, причастные и деепричастные обороты и т. п. Информация, выражаемая в скрытой форме, может быть как фактической, так и оценочной, обобщающей и т.д. Крайне важно для квалификации информации отделять языковую форму *утверждения* от *убеждения*, то есть убежденного мнения. Выражение убеждений в тексте распознается по наличию оборотов, подчеркивающих достоверность сообщаемых сведений, убежденность говорящего в их истинности (например, *я убежден, бесспорно, голову даю на отсечение*). Между тем убеждение отличается от утверждения о фактах, так как основано на материалах (фактах) открытых источников, подробно представленных в спорном тексте, в предшествующих или последующих коммуникативных блоках. В связи с этим читатель имеет возможность, основываясь на предоставленных автором сведениях о содержании публикаций иных информационных ресурсов, как согласиться с авторскими выводами и обобщениями, так и сформировать собственное мнение, отличное от авторского, опирающееся на те же исходные данные. При такой структуре текста оснований приравнивать аналитические и обобщающие суждения (выводы) автора к утверждениям о фактах не имеется. Так, один из разделов спорной публикации начинался с введения следующей информации: *‘Портал svpressa.ru озаботился*

навалившейся на Россию пневмонией еще в январе и собрал воедино все, что по этому поводу известно... Вот что пишут: «Не далее как в ноябре 2019 года из-за высокой заболеваемости пневмонией... на карантин пришлось закрывать школы сразу в нескольких регионах страны – Владимирской, Нижегородской, Оренбургской и Тюменской областях, Ульяновске, Красноярске, Челябинске, Ростове-на-Дону. В декабре точно так же пришлось поступить уже и в Московской области, в частности в городском округе Коломна...». На основании этих и иных представленных в рассматриваемом разделе сведений автор публикации делает вывод: *‘Итого: мы не знаем, что это было и чем болели наши дети и мы сами с ноября 2019-го. Может, действительно пневмонией, может, сначала ей, а потом нет – неизвестно, но исключать, что это был коронавирус, нельзя’*, который представляет собой субъективное суждение автора. Читатель, опираясь на представленные в тексте данные, имеет возможность как согласиться с логикой автора, так и сформировать собственное мнение, отличное от авторского. Не наблюдается ситуации, когда предлагаемое объяснение фактов, сообщаемых со ссылкой на иные источники, выдавалось бы за истину в последней инстанции. Вне зависимости от утвердительной либо предположительной формы выражения вывода при такой структуре текста этот вывод не может приравниваться к утверждению о фактах.

Относительно ответа на вопрос о том, является ли выявленная при лингвистическом анализе негативно-оценочная информация «общественно значимой» или нет, следует заметить, что это также не входит в компетенцию лингвистов, потому что общественная значимость не определяется лингвистическими методами. Лингвист в подобных случаях может определить только тематику высказываний и выраженное лингвистическими средствами отношение автора к сообщаемому, а также то, является ли данная информация *публичной*. Значительные ограничения касаются и ответов лингвистов на вопросы 2 и 3, потому что языковед не может оценивать последствия распространения той или иной информации для общества, так как это не определяется с помощью специальных филологических знаний. Лингвист, оставаясь в пределах своей компетенции, может выявить только специальные признаки речевого акта угрозы, который выделяется в самостоятельный тип иллокутивных актов.

Экспертное сообщество пытается преодолеть объективные методические сложности, связанные с исследованием «фейковых» текстов, однако пока удалось создать только вполне объективную лингвистическую классификацию фейков [Стернин, Шестерина, 2020], представленные в специальной литературе варианты анализа так называемых «фейковых маркеров» пока еще далеки от подлинно научных и, следовательно, доказательных. Как правило, научно-методическая работа в этом направлении связана с анализом лингвистических признаков речевого акта *недобросовестного сообщения*, а также выявления содержательных (концептуальных, логических), коммуникативно-прагматических и речевых признаков, дифференцирующих данный РА и РА *добросовестного заблуждения*, который также относится к одному из видов РА неполного или искаженного информирования [Кошкарлова Н. Н.]. Однако отмеченный подход вполне корректно может быть реализован при анализе значительных по объему текстов, подготовленных редакцией журнала или газеты (включая и интернет-издания), но в небольших, неподготовленных или даже спонтанных текстах сообщений в социальных сетях выявление лингвистических маркеров *недобросовестного сообщения* не может считаться релевантным. Известно, что для борьбы с фейками медиаструктуры создают отделы фактчекеров, выпускаются различные инструменты для защиты от фейков (WatsApp, Assembler компании Jigsaw, WeChat) и др., однако количество фейков, к сожалению, не сокращается, а выявить фейковую информацию с помощью только лингвистических методов весьма проблематично. Эта сложная научно-методическая работа в рамках экспертологии пока не может считаться завершенной, но определенные успехи в решении этой задачи, как нам представляется, достигнуты. Дефиниционный анализ термина *«заведомо недостоверная информация под видом достоверных сообщений»* с определением содержания связанного с данным термином понятия через отвлеченное существительное *«сомнения»*: *‘информация, вызывающая у говорящего сомнения в том, что она соответствует действительности, при этом говорящий выдает ее за информацию, определенно соответствующую действительности’*, успешно примененный в экспертной практике Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, можно отнести к их числу. Хотя на первый взгляд словарное значение слова *«заведомый»* вступает в противоречие с понятием *«сомнение»*, так как реализует

значение «*Хорошо известный, заранее известный; несомненный*», а «сомнение» в словарях русского языка определяется как «*неуверенность в истинности, возможности чего-либо, отсутствие твердой веры в кого-, что-либо*» [Словарь, 2003: 194, 773], это противоречие является чисто внешним и адекватно отражает существо описываемого явления: речь идет **о представлении вызывающей сомнения информации как несомненной** — говорящий выдает то, в чем он сомневается, за свое твердое знание, что полностью соответствует использованному в диспозиции ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ предлогу «*под видом*» в его единственном значении «*выдавая кого-, что-л. за нечто иное*».

Введенное законодателем определение правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, в диспозиции указанной нормы закона имеет следующий вид: «*Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния*». Лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ приведенного определения показывает, что законодатель устанавливает административную ответственность за распространение информации, характеризующееся следующей совокупностью признаков:

(1) распространение информации произведено в средствах массовой информации или в информационно-телекоммуникационных сетях;

(2) распространенная информация являлась в момент ее распространения *общественно значимой*;

(3) распространенная информация является *недостоверной*;

(4) недостоверность распространенной информации являлась *заведомой* (лицо, распространившее информацию, сознавало в момент ее распространения ее недостоверность);

(5) информация была распространена *под видом достоверного сообщения и (или) нескольких достоверных сообщений*;

(6) распространение информации *создало угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу;*

(7) распространение информации *создало угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности;*

(8) распространение информации *создало угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи;*

(9) действия лица, осуществившего распространение информации, по ее распространению *не составляют («не содержат») уголовно наказуемого деяния.*

Приведенному определению удовлетворяет такое распространение информации, которому одновременно присущи признаки (1), (2), (3), (4), (5), (9) и только один из признаков (6), (7) или (8), что соответствует использованию в формулировке рассматриваемого определения союза *либо*, последовательно применяемого законодателем для выражения отношений исключительной дизъюнкции.

Понятие *распространения информации* не является специальным понятием лингвистики и (или) психологии. Квалификация тех или иных действий как распространения информации, вероятно, является вопросом факта и относится к компетенции суда.

Квалификация канала распространения как средства *массовой информации*, а равно как *информационно-телекоммуникационной сети* не относится к компетенции специалистов в областях лингвистики и (или) психологии.

Квалификация информации как *общественно значимой* лишь частично относится к компетенции социального психолога; следует также заметить, что для определения общественной значимости информации или отсутствия такой значимости в случаях, когда информация выражается устными или письменными продуктами речевой деятельности, может иметь существенное значение точное смысловое содержание этих продуктов, что предполагает наличие компетенции специалистов в области лингвистики.

Оценка *достоверности* той или иной информации в общем случае (за исключением ситуаций, когда распространенная информация

носит специальный лингвистический и (или) психологический характер) выходит за пределы компетенции специалистов-лингвистов и специалистов-психологов. В случаях, когда информация выражается устными или письменными продуктами речевой деятельности, возможность оценки выраженных языковыми средствами сведений, признанных недостоверными, по параметру их именно *заведомой недостоверности* является функцией от лингвистических и коммуникативных свойств содержащих эту информацию высказываний и текстов; также может иметь существенное значение точное смысловое содержание этих продуктов речевой деятельности, что предполагает наличие компетенции специалистов в областях лингвистики и психологии.

Словесная конструкция *под видом достоверного сообщения* предполагает, как отмечалось выше, необходимость изучения языковой формы выражения сведений и коммуникативных свойств продуктов речевой деятельности, эти сведения содержащих, что предполагает наличие компетенции специалистов в областях лингвистики и психологии.

Установление фактов *создания в результате распространения информации угроз определенного содержания* выходит за пределы компетенции специалистов, однако психологические знания могут использоваться для установления направленности тех или иных сообщений на создание подобных угроз.

Признак (9) наличия в действиях лица, распространившего информацию, *состава уголовного преступления* носит сугубо правовой характер и не относится к компетенции специалистов-лингвистов.

Таким образом, **общая экспертная задача**, подлежащая решению в рамках комплексного психолого-лингвистического экспертного исследования материалов дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, для случаев, когда информация распространена в виде продуктов речевой деятельности (устных или письменных текстов на естественном языке), определяется, исходя из понятия задачи судебно-экспертной деятельности, введенного ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в виде совокупности следующих *частных экспертных задач*:

а) установление специальных лингвистических и психологических признаков общественной значимости распространенной информации;

б) установление специальных лингвистических и психологических признаков заведомой (для лица, распространившего информацию) недостоверности распространенной информации, предположительно являющейся недостоверной;

в) установление специальных лингвистических и психологических признаков распространения информации, предположительно являющейся недостоверной, под видом достоверного сообщения или нескольких достоверных сообщений;

г) установление специальных психологических признаков направленности распространенных сведений на создание угрозы причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу;

д) установление специальных психологических признаков направленности распространенных сведений на создание угрозы массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности;

е) установление специальных психологических признаков направленности распространенных сведений на создание угрозы создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Таким образом, анализ материалов, связанных с выявлением и оценкой «заведомо ложной информации (сведений, сообщений)», свидетельствует о том, что точная экспертная методика исследования текстов подобного рода, которая была бы априорно пригодной к любым текстам, еще не сформирована в достаточно строгом виде и требует усилий и со стороны лингвистической науки, и со стороны социальной психологии, и со стороны законодателей и правоприменителей, что влечет за собой необходимость выработки при производстве экспертного исследования конкретного текста методики, учитывающей конкретные особенности подлежащего исследованию материала, с ее описанием в тексте экспертного заключения, достаточно подробным для верификации хода и результатов экспертизы. Построение методики лингвистического, а равно психолого-лингвистического исследования по делам данной категории является, таким образом, на сегодняшний день важнейшей составной частью собственно исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста – М., 2007. 591 с.
2. Бринева К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
3. Кошкарлова Н. Н. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации / Н. Н. Кошкарлова, Е. С. Бойко // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 77–82
4. Обзор Верховного Суда №2 от 30.04.2020/ https://zakon.ru/blog/2020/04/30/obzor_verhovnogo_suda_2_ot_30042020
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
5. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: «Норинт», 2003. 960 с.
6. Стернин И.А., Шестерина А.М. Маркеры фейка в медиатекстах. – Воронеж, 2020.
7. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕССШКОЛА, 2020. 576 с.

MANDATORY LINGUISTIC FEATURES OF DELIBERATELY MISLEADING AND/OR UNRELIABLE INFORMATION IN SPEECH ACTIVITIES PRODUCTS

Жарков Игорь Вениаминович,

начальник научно-методического отдела РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам», 129164, Москва, а/я 110, ГЛЭДИС, e-mail: linguexpert@gmail.com.

Колтунова Елизавета Аркадьевна,

доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37), член правления РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам», 129164, Москва, а/я 110, ГЛЭДИС, e-mail: koltunova52@yandex.ru.

I.V. Zharkov

RPO “Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes”

E.A. Koltunova

*Institute of Philology and Journalism of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
603000, Nizhny Novgorod, ul. B.-Pokrovskaya, 37*

The article presents possible methods of detecting deliberately misleading information as a part of forensic linguistic examination. It gives a relevance assessment of typical

issues with criminal and administrative cases concerned with deliberately misleading messages. It also analyses the forms of information expression as well as correlation between linguistic and psychological components of information assessment. The authors deem it necessary to consider that the notion of 'deliberately misleading information' exceeds the limits of linguistic competence and a certain level of psychological knowledge is required to determine the primary objective of an utterance, including threats marked by law.

Key words: linguistic examination, Internet communication, linguistic means, utterance forms, explicit information, implicit information, deliberately misleading information.